

10. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М.: Международ. пед. акад., 1994.
11. Розин В. Образование в обновляющемся мире // ВВШ Alma Mater. – 2006. – № 7.
12. Розин В. М. Семиотический анализ знаковых средств математики // Семиотика и восточные языки. – М., 1967.
13. Розин В. М. Типы и дискурсы научного мышления. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.
14. Рузавин Г. И. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004.
15. Тестов В. А. «Жесткие» и «мягкие» модели обучения // Педагогика. – 2004. – № 8.
16. Тестов В. А. Стратегия обучения математике. – М.: Технологическая школа бизнеса, 1999.
17. Философский словарь. – М.: Политическая литература, 1991.
18. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы / Пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Черниговец, Р. Кресин. – М.: Современный литератор, 1999.
19. Эпштейн М. Проективный философский словарь. – СПб.: Алетея, 2003.

А. Г. Кислов

УНИВЕРСИТЕТ ЭПОХИ ПОСТАКАДЕМИЗМА: «ВСЕ ЕЩЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...»*

В статье рассмотрены тенденции развития университетского образования с учетом его академических традиций и новых экономических реалий. Автор представляет собственное видение современных проблем российской высшей школы и развития рыночных отношений в сфере образования.

The article is devoted to appreciation of outlook of University academic traditions. The author accent of attention on these problems in Russia Higher School, on taking into account development market relations in education. The author advances methodological objections to B. Reading's concept of «The University in Ruins» of University.

В целях обоснованной, корректной и разносторонней оценки ближайших перспектив высшего образования и сосредоточения организационных усилий на пред-

---

* Начало см. № 2 (44)

почтительных вариантах необходима опора на состоятельную и эффективную методологию. Перспективы высшей школы сегодня можно рассматривать в опоре на две основные методологические традиции. Одна из них восходит к глубокой древности и продолжает быть состоятельной и авторитетной. Вторая относительно молода, но не считается с ней уже не продуктивно.

Первую методологическую традицию можно назвать эссенциалистской, идеалистической, платонистской, но дело не в именах, которых может быть гораздо больше. Данная позиция предполагает некую изначальную сущность явления или его идею, которая находит свои разнообразные – уже, разумеется, не идеальные – воплощения. Так, например, имеет место «предвечная» сущность, или идея университета, которая более или менее удачно реализуется в истории, знание которой позволяет оценить каждый конкретный случай ее воплощения и найти пути приближения к более совершенному, идеальному состоянию. Потому и не счесть работ под названием «Идея университета», «Миссия университета» и т. п. Особенно много среди них инаугурационных речей ректоров.

Следуя идеалистической, эссенциалистской методологии, можно было бы сокрушенно остановиться на констатации удаления современной высшей школы от идеи университета как Храма Науки к вузу как market place. Но осмысление происходящего в высшей школе с точки зрения превращения ее в market place – тоже вариант эссенциализма, как вариантом эссенциализма является осмысление образования с точки зрения «фабрики», производства (кадров, знаний и т. д.). Спор о перспективах университета оказывается спором о предпочтительном пр-образе, идее университета.

Однако университет – далеко не только идея. Университет, прежде всего, реальность, в том числе весьма приземленная. Потому наряду с эссенциализмом сегодня мы можем воспользоваться и иной, контрэссенциалистской, антиидеалистической методологией, которую совсем необязательно лишь противопоставлять традиционной, платонистской. Новейшая методология весьма компромиссна и позволяет работать в режиме взаимодополнительности, она толерантна к противоречиям и парадоксам, ибо исходит из признания несовершенства самих притязаний на знание совершенства [8, 3]. Идеальное состояние, «идея вещи» рассматриваются ею не как имеющие непосредственное и обязательное отношение к реальности, а как мыслеобразные конструкции. Эти конструкции (Храм Науки, market place, фабрика кадров и знаний и т. д.) легко мистифицировать (все идеи чреватые превращениями в идолов). Но если не быть идолопоклонником, не искать себе кумира, то можно воспользоваться любой идеей как инструментом, позволяющим нечто в реальности осмыслить, оценить, соотнести с другими возможными вариантами. Как всякий инструмент, любая идея имеет преимущества и недостатки, и пользоваться ею можно полифункционально, в

том числе не по прямому назначению. Такова и идея классического университета. Оставаясь вдохновляющей многих, она необязательно должна стать основанием окончательного приговора современной высшей школе, в том числе в России.

Высшая школа стала такой, какова она сегодня, не по злому умыслу, она потребовала новый режим управления и новый тип руководителя не в силу своей безнадежной деградации. Вуз как социальный институт адаптируется к реалиям, в которых существует. «Тенденции развития университетов наших дней, как представляется, не требуют оценки по принципу «хорошо – плохо», «нравится – не нравится»... Это объективные параметры системы, которая перенастраивается в новых условиях глобализации и постиндустриального общества. И хотя реакции на эту перенастройку могут быть самыми различными (в том числе резко негативными), следует признать, что высшее образование в современном мире, скорее всего, идет уже новым, кратко обрисованным выше путем» [3]. Чем больше общество, прежде всего государство, смотрит на вуз как на хозяйствующий субъект, способный приносить прибыль, тем больше вуз будет превращаться в торговую лавку или супермаркет, тем меньше внимания руководство вуза будет обращать на академическую составляющую его жизни, на его работников, тем больше академическое сообщество будет перемещаться в сферу виртуальных отношений, частично и физически перемещаясь в иные – пока еще более академические – вузы, в том числе зарубежные. Но деакадемизация университета не означает автоматического снижения качества его образования, которое сегодня сильно зависит не от наличия, а от содержательного наполнения государственных образовательных стандартов.

Если государство пойдет путем жестких образовательных стандартов, то высшее образование будет все более унифицированным и неизбежно скоропортящимся. Масса народа с таким (большой частью – с уже «протухшим») образованием будет бродить по стране в поисках его реализации на рынке труда, а над страной будет витать дух (вот она – «духовность» последнего времени!) от этих гнилостных процессов. На декабрьском 2006 г. заседании Коллегии Минобрнауки РФ одобрен «мягкий» вариант государственных стандартов высшего профессионального образования. Согласно ему государство за собой «оставляет только требования к компетенциям выпускника: в госстандарте расписывается не то, что студент должен изучать, а что он должен знать на выходе... вузам перестают предписывать сверху, чему, как и в каких объемах учить студентов, и они получают право самостоятельно составлять образовательные программы – модульные циклы. (В СССР вузы имели право определять не более 10 % образовательной программы, сейчас – 20–40 %, а с переходом на новый стандарт образования – до 70 % и более, обещают в Минобрнауки)» [5]. Но и в таком случае «учеба в современном университете (как западном, так и российском) все более утрачивает свой судьбоносный (экзистенциальный) смысл, становясь лишь

средством получения всевозможных социальных отсрочек: от армии, профессии, семьи. Этому немало способствуют и те условия, в которых сегодня находится академическая наука, существование которой напрямую зависит от запросов информационной бизнес-среды, ориентированной на прикладной, междисциплинарный и профицитный характер знания» [10]. Потому «не исключается, что в ближайшей перспективе факультеты (а в России и кафедры) как самостоятельные структурные единицы начнут отмирать, уступая место динамичным междисциплинарным программам, открывающимся и закрывающимся в соответствии с запросами внешнего рынка и опирающимся на подвижный состав профессоров, привлекаемых на договорной основе» [3]. Впрочем, может взять верх логика Болонского процесса, и тогда «выработка единых стандартов аккредитации для всех европейских вузов означает окончательную победу внешних формализованных методов оценки. Университеты рискуют потерять значительную часть своей автономии, если такой проект жесткой стандартизации будет реализован» [1], но еще больше потеряет декларируемое «качество образования», его место займет упомянутая «духовность».

Академическая жизнь в любом случае будет все менее связана с образованием, в том числе с «высшим», если оно так уж претендует на это название, хотя официальный термин «послевузовское» откровенно показывает, что никакое оно не «высшее». Превосходная степень вообще наследие архаического («духовного») дискурса. Академическая жизнь из-за дрейфа прочь от университетов не прекратится, затанцует на время где-нибудь, проявляясь в Сети, и на правах свободного художника при неизбежной поддержке то одних, то других заинтересованных или бескорыстных сторон продолжит свое существование. Кстати, бериевская «шарашка» – тоже ведь ниша...

Что касается отмеченных черт академизма и их присутствия в современном российском университете, заметим следующее. Платонизм продолжает иметь место, что отражает традиционно-академический, если не сказать архаический, характер современной, особенно отечественной, фундаментальной науки, в то время как в мире все более «фундаментальные знания вытесняются на периферию, приобретают, если угодно, эзотерический характер» [3]. Не удивлюсь окончательному уходу платонизма в прошлое: «мавр сделал свое дело»...

«Возвышенным», «идеальным», «истинным», «образцовым», «высшим» высшее образование воспринимается с большими оговорками даже массовым сознанием, не говоря об элитах, хотя оно и сохраняет свой общественный «авторитет».

Авторитет мэтров, ученых-учителей также сохраняется в современном высшем образовании, другое дело, что их стало так много, что каждой идее можно привести авторитетное подтверждение.

Право на аргументированное возражение – «святыня» современного научного дискурса еще в большей степени, чем во времена «классического университета».

Принцип исследовательской свободы тоже сегодня никем не оспаривается, но эту свободу чаще оплачивает грантодатель или сам исследователь, если работа не попала в «планы НИР» учреждения, в котором он трудится.

И публикация результатов исследования стала вопросом исключительно финансирования. Пока это свидетельствует о возрастании свободы.

Нам жалуются: «Там, где люди работают на конкурсной основе, царит мелкотемье, атмосфера истерии и недружелюбия и страшная текучка кадров. Вывод подсказать?» [6]. Цитируемый автор намекает на деградацию науки. Но ученые мужи не небожители, «ничто человеческое им не чуждо». Только и всего.

Свободный характер преподавания пока сильно обременен требованиями государственных образовательных стандартов, но и тут появились надежды в связи с ожидаемым третьим их поколением.

Отсутствие бюрократической опеки преподавателей со стороны блюдущих букву нормативов инспекторов и администраторов – пока мечта, но ожидаемое третье поколение образовательных стандартов и ее делает реализуемой, как и большую свободу учения.

Суд академической общественности пока сильно опосредован судом администраторов, в перспективе он будет опосредован судом заказчика. В стратегических интересах заказчика не затыкать этому суду рот, ибо рынок позволяет лишь кратковременное жульничество. Как-нибудь будут справляться с этой бедой, и в дальнейшем – не без помощи пользующихся свободами ученых!

О *необремененности каждодневными поисками источников существования* придется забыть – вот где главный ресурс вздыханий по «классическому» университету. Однако убивает не озабоченность, а вполне определенное, следующее из эгоцентричной претенциозности отношение к ней, да еще голод, конечно. Феодальная привилегия «от степени», «от должности», например ученой или вузовской, уходит в прошлое вместе со многими иными привилегиями. А страх перед рынком может быть снят простым резонансом: «Одна только... рыночная эффективность может настолько же мало воодушевить абитуриентов и, возможно, даже профессуру, насколько мало может заставить больных покупать лекарство фармацевтической фирмы сообщение о том, как успешно она продает свои товары, – без ссылки на их качество, потребное для излечения» [4]. Так что превращение университета в лавку – это фантом, а не поглощающая его перспектива.

И высокое качество образования никуда не денется, только оно не отменит ни среднее, ни низжайшее качество. От этих попутчиков точно не избавиться, как от человеческого несовершенства вообще. Возрастет число подходов к определению уровня качества. Не исключено даже, что государство наконец успокоится в этом отношении, оставив дискуссии о нем гражданскому обществу.

Итак, «классическим», бесспорно академическим университет уже не будет, будет погруженным в рынок, будет постакадемическим (еще один «пост», ничего не поделаешь), меняющимся и уже с очевидностью не вписывающимся ни в какой пра-образ. Поэтому постакадемичность не будет исключать и академичности, она ведь не антиакадемичность, хотя и для таковой найдется местечко. Университет останется в чем-то храмом, в чем-то фабрикой, в чем-то торговой лавкой, у него будет много других признаков, которые к общему знаменателю можно свести лишь на бумаге. Она и не такое стерпит. Речь-то, в конце концов, не об университете, а о нашей возможности осмысления, в том числе университета, о пифагорейском соблазне свести все если не к числу, то к формуле.

И еще одно основание для оптимизма в отношении сохранения академичности в постакадемическом университете. Оно связано с той трактовкой науки, которая, вопреки (страшно сказать!) Х. Ортеге-и-Гассету, видит ее не предшествующей феномену образования, а производной от него. Классик пишет: «Наука (sciencia) – это не все что угодно... В первоначальном понимании наука – это только исследование: формулировать проблемы, биться над ними и приходиться к решению. Как только достигнута эта цель, все остальное наукой уже не является. Поэтому не является наукой изучение науки или преподавание, ее применение и использование» [7].

Возразить мэтру помогает русский язык. Наука – то, чему можно научить. «Пойти в науку» = «пойти учиться», «ученый» = «наученный». Настоящий ученый, кстати, учиться не прекращает, потому «ученый» = «учащийся». Это, конечно, слабые аргументы. Есть аргументы и посильнее.

Истоки науки, как и всей культуры, – в архаике, в родовой общинности, без которой человек не мог выжить. Община жива цельностью, порядком, строем. Мироощущение строя, порядка, космоса, гармонии выражается во всех вариациях древнейшей мифологии. И даже когда, очевидно, вследствие межплеменного общения, ведущего к объединению мифологий, возникает нужда согласования последних, то иного способа согласования, чем упорядочивание, просто и не могло быть. На смену стихийному, нерелексированному порядку, точнее, порядкам отдельных мифологий, приходит нужда в трансформации этих порядков в один – новый, но обязательно – порядок. А это уже потребовало не только стихийной, но сознательной, целенаправленной работы, поскольку самодостаточность каждого из порядков сопротивлялась. Борьбу с этим сопротивлением пришлось вести тем, кто в большей степени эти порядки манифестировал – жрецам. Появляется, наряду с традиционной жреческой практикой, более или менее институционализованная жреческая наука, дабы упорядочить это неизбежно многовариантное упорядочивание. А наука стимулирует рационализацию, рефлекссию, критицизм.

Интенция неизбежного своеволия (вот она – академическая свобода!), которую консервативное жречество всячески прибирало к рукам, приручало, подчиняя новому

трансмифологическому порядку, все равно прорывалась – и в наибольшей степени как раз у эллинов [9]. Жрец-исследователь, философ, как он стал у них называться, ищет следы того порядка, который стал теряться, чтобы передать их новым поколениям, говоря современным языком, в целях образования. Так что не образование возникает вдогонку науке, а как раз наоборот. И сколько бы ни менялся «образ науки» в последующие времена, как бы далеко от образовательных задач ни отрывались отдельные исследователи (уже не следов прошлого Порядка, а следов иных), своими результатами наука не могла не сливаться с образовательными задачами. Без последних все научные достижения канули бы в Лету. Образование – исток, фундамент и конечная цель науки, всех научных изысканий. Потому сколько рынок ни гонит науку из современного университета, выходя в дверь, она возвращается, пусть и через окно. Так было и во времена всевозможных цензоров. Академизм не исчезнет. Наука выживает. Университеты – тоже. Ученые вот только умирают.

Литература

1. Вахштайн В. Апория качества // Платное образование. – 2005. – № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.platobraz.ru/text%2009/nomer9aporia.shtml>.
2. Гончаров С. З. Философия совершенства Ивана Ильина. – Екатеринбург, 2007.
3. Замулин О. А., Покровский Н. Е. и др. Трансформация университетов в условиях глобального рынка // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dspace.lib.usu.ru/bitstream/1234.6789/319/1/digest_2004_3.pdf.
4. Куракин Д., Филиппов А. Возможность корпорации: к социологическому описанию университета // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 4–5 (48–49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku23-pr.html>.
5. Лемуткина М. Подъем вузов переворотом // Газета. RU. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/education/2007/02/02_a_1322652.shtml.
6. Наука в Европе: мелкотемье и истерия // Газета. RU. Образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/education/2007/02/13_e_1371406.shtml.
7. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Отечественные записки. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/hos.html>.
8. Остапенко М. А. Образ совершенного человека в православной антропологии. – Екатеринбург, 2004.
9. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М., 1991.
10. Покровский Н. Е. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.futurisrael.org/Ru/NewEd.htm>;